

МОНОЛОГ АКТРИСЫ

И брейк не поможет...

Дорогая редакция!
Посылаю вам свою «реплику» в дискуссию о театре, если она покажется толковой — опубликуйте ее, пожалуйста. Мне, конечно, это жизнь усложнит, но может быть, театру моему хоть как-то поможет. А я уж иду напролом, прямо и нелереизбранно в 1990 г. Мне исполнится 45, стаж работы — 25 лет, 24 — в Донецком областном драматическом театре (гор. Жданов). Другой театр искать не буду, не смогу; видимо, до пенсии придется мыть подъезды. Готовлю себя к этому уже сейчас, иначе без психологической подготовки можно просто не выжить. Отец мой умер в мае, и я, единственная дочь, даже не проводила его: была на съезде Союза театральных деятелей в Киеве, не могу себе простить — стоит ли эта бессмысленная говорильня последнего прощания с отцом...

Очень хочется посочувствовать бывшему актеру В. Вершинину из Ленинграда («АГ», 12 августа 1987 г.) — для тех, кому «за тридцать», брейк, очевидно, мало приятен. Но чего не сделаешь ради любимой работы! Например, в нашем театре мерилом профпригодности артиста стал... шпагат. Год назад труппа был предъявлен ультиматум: в театре останется только тот, кто умеет делать шпагат. Стараемся изо всех сил. Многие уже «салятся на шпагат», даже те, кому «за пятьдесят». И от моды столичной мы не отставим: пару на сцене предостаточно во всех спектаклях. Правда, с этим газом, якобы безвредным, у нас в глубинке дефицит, но местные умельцы изобрели какую-то смесь, сжигают ее за кулисами — зрительный эффект тот же. но, по-моему, намного ядовитей. И ежели задаться целью известить артистов и зрителей хотя бы первых рядов, наш способ предпочтительней.

Только, ради бога, не надо никаких вопросов — зачем брейк, почему шпагат!.. Если истязать этими вопросами самого себя, в конце концов не выдержит и как коллега Вершинин, сама уйдешь из театра. А осмелишься задать их режиссуре, руководству — значит, тебя «уйдут»...

Если очевидны изменения в жизни театра, то что же изменилось в судьбе артиста? Нет, не в зарплате, а именно в судьбе? Чем вызваны «актерские бунты»? Невозможно же поверить, что во всех театрах, где возникли конфликтные ситуации, окопались бездарные артисты, пожирающие талантливых режиссеров. Ведь немало и одаренных, нужных театру актеров оказалось «по ту сторону баррикад», в конечном счете — и вне театра.

Так, может быть, внутритеатральные бунты оттого возникают, что доселе молчавшие артисты заговорили? Поверили, что и их касаются демократия и гласность, что и от них зависит перестройка нашего дела? Не учли только, что юридически они по-прежнему неправы...

Так не пора ли наконец прямо сказать, что демократии в театре нет и быть не может? И перестать делать вид, что театр — коллектив со всеми присущими ему юридическими и общественно-этическими обоснованиями? И не надо собраний, после которых ничего не меняется — они лишь способ выявления «кинакомыслящих». А потом начинается расправа, завершающаяся, как правило, нелереизбранием. Зачем же провоцировать артиста, вынуждать его подставлять голову под «карающий меч» худсовета? Не нужен в театре и этот страшный совещательный орган, решающий почему-то судьбы людей. Ведь во многих театрах (в том числе и в нашем) худсовет по-прежнему назначается руководством, даже без обсуждения на профкоме и партбюро.

Пусть все решит один главный режиссер. Тогда артист будет знать: если с ним расстанутся, то по чисто профессиональным соображениям, а не расправляясь за критику. И пусть артист кочует «из Керчи в Вологду». Не умеет танцевать брейк или делать шпагат, значит, осядет в театре города Н., где пригодится его талант шевелить ушами. Инакомыслие и конфликтные ситуации исчезнут. Артистам ведь приспособляться не впервой.

Меня переполняют боль и стыд. Мы выплеснули за этот год столько грязи, что парадный вход храма Мельпомены перекрыт намертво, зрителям через этот завал просто не перешагнуть. И о каких моральных ценностях мы можем говорить со сцены, продемонстрировав свою человеческую несостоятельность? Наверное, система переизбрания в основе своей правильная, но она рассчитана на высокий нравственный уровень — прежде всего тех, в чьих руках власть. Увы, так не всегда бывает, и тогда переизбрание превращается в дубинку, вышибающую из театра. Причем способ расправы поистине изуверский: дается положительная характеристика с рекомендацией «избрать на новый пятилетний срок», а затем тайным голосованием артист не избирается. Как же случилось, что эта тайная подлость по отношению к артисту стала узаконенной?!

Попробуйте-ка положительно аттестовать любого работника, а затем его без всяких юридических обоснований — взъисканий, выговоров и прочего — уволить. Он обратится в суд и будет восстановлен. И только артист ничего и никому доказать не может. Более того, на него можно начать всемирным миром, натравить цеха! Артистов ведь в театре горстка (в нашем, например, 48 из 167 работающих) — всех можно известить лет за пять. Думаете, преувеличиваю? В мае этого года на заседании нашего худсовета были зачитаны докладные от костюмерного и гримерного цехов. И обвинение «не тем полотенцем вытирались» стало, очевидно, решающим аргументом в нелереизбрании актрисы. Как же после этого вместе работать, как людьми-то остаться?..

В работе периферийного театра есть многое, что в полной мере дано испытать только артисту. Вот примеры из жизни: можно ночевать в степи из-за нехватки бензина (администрация выдала его в один конец — только на выездной спектакль), можно месяц жить в номере за 46 коп. в сутки без элементарных удобств. Можно играть спектакль в холодном помещении. Можно играть и без зрителей — за какие-то мифические перечисления... Выдержать это можно. Молчать невыносимо. Но где те, что возмущались? «Иных уж нет, а те далече...»

Похоже, сейчас в театре наступила пора мрачных чудес. Разве не чудо, что человека сначала уволили, а потом наградили? У нас в театре 49-летнюю актрису уволили в сентябре, а в октябре вручили ей медаль «Ветеран труда». Сейчас актриса с 28-летним сценическим стажем работает грузчиком на овощебазе...

Представьте себе: вы заходите в кабинет, скажем, директора завода и видите на стенах портреты видных деятелей мирового коммунистического движения, а над начальственным креслом — портрет самого хозяина кабинета. И не какие-то там фотографии — портреты заказные, выполненные художником в одном размере и единой манере. Не правда ли, трудно представить? А если владелец кабинета — ваш непосредственный руководитель, если в его руках ваша судьба?.. В масштабах страны это явление называлось «культом личности». А если речь идет об одном коллективе в 167 человек — разве менее страшно?..

Я понимаю, ситуация в каждом творческом коллективе сугубо индивидуальна, и то, о чем я пишу, скорее всего касается только нашего театра. Но даже и тогда это не может не вызывать тревоги. В мае нынешнего года у нас оказалась избранной актриса, замечательно делающая шпагат. Значит, ни шпагат, ни брейк — не панацея от увольнения. Мы даже знаем — кто следующий...

Светлана Ивановна
ОТЧЕНАШЕНКО,
заслуженная артистка УССР,
артистка Донецкого областного
русского драмтеатра